

ВРЕМЯ И МЕСТО

Ей многое простится – ибо она много любила

Невеселые песенки Эдит Пиаф

Ольга Дунаевская

Звезда, сгорающая от своего огня. Так сказал о ней поэт Жак Кокто, переживший Пиаф всего на несколько часов. А когда его спрашивали о ее голосе, он отвечал: «Ее голос выходит из утробы». Действительно, какой он был у великой Пиаф – сопрано, меццо, контральто? И какой была она сама? Композитор Никита Богословский видел ее как-то в кафе на Эйфелевой башне: некрасивая, немолодая, но тем же вечером на концерте – красавица, поющая сердцем, с голосом, перебивающим любой оркестр.

Дитя улицы

В сорок пять она выглядела старухой, выходя на сцену в простом черном платье и сандалиях, еле передвигающая ноги, – у нее был жестокий ревматизм. Теперь тщедушная, большоголовая, сутулая, с огромными глазами «прозревшего слепца», в молодости клошарка Пиаф была красивой. «Clocher» значит «ковылять». В сорок пять Эдит вернулась на круги своя: она опять ковыляла, только сейчас не по парижским тротуарам, а по сценам лучших концертных площадок мира.

Эдит Пиаф – истинное дитя улицы, ибо ее мать, шансонетка Лина Марса, разрешилась от бремени девочкой прямо на мостовой улицы Бельвилль 19 декабря 1915 года. Приняли роды два прибывавших на крики женщины полицейских, пока отец Эдит, уличный акробат Луи Гассион, бегал за извозчиком. Вскоре мать бросила мужа и новорожденную, воспитанием которой занялась бабушка Гассион – содержательница публичного дома в Нормандии. Хотя в общеукрепляющих целях девочке давали сосать разбавленное водой красное вино, в четыре года она все же заболела тяжелым гриппом, осложнением после которого стали конъюнктивит и слепота. По свидетельству самой Пиаф, зрение вернулось к ней через десять дней, когда бабушка отвезла ее в Лизье, к алтарю святой Терезы. С тех пор Эдит всегда имела при себе образок святой. Бабушка же утверждала, что вымолила чудо у чудотворца благодаря тому, что вместе с ней за здоровье внучки молились все ее подопечные: девицы она прихватила с собой, без косметики, в простых закрытых платьях.

Эдит никогда не училась ни в обычной, ни в музыкальной школе, однако, став известной, всегда замечала ноту, пропущенную кем-то из музыкантов в оркестре.

С восьми лет она выступала с отцом все на тех же парижских улицах: он делал нехитрые акробатические номера на потертом коврике, а девочка собирала мелочь и пела – ее первым сольным номером стала «Марсельеза». В шестнадцать Эдит ушла от отца. И тут начинается та история жизни Пиаф, записывая которую в госпитале перед смертью, она просит Бога и людей сказать о ней, как о Марии Магдалине: ей многое простится, ибо она много любила.

Первым Эдит познакомил огромный белокурый парень по прозвищу Маленький Луи. Оба полюбили впервые. Он служил курьером в магазине, она пела на улице. Через год Эдит забеременела. Петь было нельзя, и она пошла в судомойки в кафе, отку-

да немедленно вылетела: дерзила и била много посуды. Она устраивается на галошную фабрику, но беременность становится все более заметной, и Эдит снова увольняют: работа считается вредной, и по технике безопасности держать беременных запрещено.

Юная пара, теперь уже с дочкой Марселлой, скитается по дешевым отелям, спускаясь из окон на связанных простынях – платить за номер было нечем. Эдит опять идет петь. Однажды, выступая в казарме, она знакомится с красавцем-легонером Альбертом и, как и ее мать, не задумываясь, уходит к нему. Правда, в отличие от той, прихватив с собой маленькую Марселлу. Луи караулил ее везде и сумел вернуть. Но когда двухлетняя девочка умерла от менингита, все окончательно рушится. На гроб не хватило десяти франков, и Эдит вышла на панель. Клиент, узнав, зачем ей нужны деньги, бросил ей монету и не тронул ее. После похорон Луи отпустил Эдит, сказав: «Ты пришла в мою жизнь как мечта, а мечты всегда рассыпаются».

Эдит перебралась в район площади Пигаль, и у нее появилась красавец-сутенер, опять Альберт, который брал 30 франков в день с ее сборов за пение. Он был

осенним днем 1935 года ее увидел и услышал директор театра «Жернис». Он пригласил ее на пробы, Эдит нехотя взяла газету, где тот нацарапал адрес, но сразу решила, что не пойдет – она больше не верила в свою удачу. Однако приехала, опоздав на час. Аккомпаниатор, ждавший в пустом зале, сначала не понадобился – Эдит не умела петь под рояль. В первую минуту страх парализовал ее, но Эдит была не из тех, кто пасует перед трудностями. Все прошло как нельзя лучше.

Луи Лепле – так звали ее нового патрона – спросил, нет ли у нее псевдонима. «Таня», – ответила Эдит. – «Но ты же не русская». Он посмотрел на нее и сказал: «Ты похожа на воробья. На арго «воробей» – «пиаф». Вот ты и будешь Эдит Пиаф». Так она навсегда стала Мом Пиаф – «малышка-воробей». Мать Лепле и дочь Пиаф были похоронены на одном кладбище, и потом он любил повторять: «Это они захотели, чтобы мы встретились».

Свой первый вечерний туалет Эдит вязала сама. У нее был недовязанный черный свитер. «Успеешь к концерту?» – беспечно спросил Лепле. Она сидела в примерной, работая спицами изо всех сил, но рукав так и остался незаконченным, хотя ее выход

в ужасе застыла, а зал взорвался от смеха и аплодисментов.

Ее известность быстро росла, и они с Лепле готовились к гастролям в Каннах на благотворительном балу. Однажды Лепле увидел во сне покойную мать, которая сказала ему: «Приготовься, я скоро приду за тобой». Через неделю Лепле был убит у себя дома пулей в голову. Пиаф была невиновна, но ее имя трепалось в газетах, и Эдит уезжает из Парижа. Вернувшись, она случайно в кармане осеннего пальто находит телефон поэта Раймона Ассо. Услышав в трубке ее голос, Ассо сказал: «Бери такси. Я уже год жду твоего звонка».

Равнодушные красавцы и Марсель Сердан

Ассо заново начинает кампанию продвижения Эдит и добивается своего – контракт с Пиаф подписал директор одного из лучших парижских театров «А-В-С».

Раймон Ассо был ее продюсером, писал для нее новые песни, заставлял читать серьезные книги. Он научил Эдит любить Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена, Бородину. Но в 1939 году она ушла от него.

Началась Первая мировая война, Ассо был мобилизован, а у Эдит появилась новая любовь: актер Поль Морис. Он купил ее своей невозмутимостью: когда Эдит подкрадывалась к нему сзади, чтобы гаркнуть что-нибудь в ухо, он ни разу не вздрогнул. Но та же невозмутимость и развела их. Хотя, прежде чем они разошлись, Пиаф и Морис сыграли скетч, написанный для них Жаном Кокто. Он назывался «Равнодушный красавец». Там всего две роли: мужская – без слов и женская – яростный монолог неразделенной любви. Этот скетч, поставленный престижным театром «Буфф-Пари-зье», подарил Пиаф славу перwokлассной драматической актрисы. Кстати, по ее свидетельству, выйдя на сцену, как и на первом прослушивании у Лепле, она начисто забыла текст, но Пиаф никогда не сдавалась: усилие воли – и все пошло как по-маслу.

Она снялась в нескольких фильмах, первым из которых был «Звезда без света» – о нянке, обладающей удивительным голосом, который она раздавала знаменитостям, не умевшим петь. Сценарий был написан специально для Пиаф, но она встретила режиссера в таком виде, что тот наотрез отказался от ее кандидатуры: ни капли косметики, слой жирного крема на лице, старая пижама. Однако, увидев и услышав Эдит на концерте ее нового протеже Ива Монтана, немедленно подписал с ней контракт.

Пиаф любила Монтана, продавала его, писала ему песни. На его дебюте в театре Елисейских полей она от напряжения зубами разорвала носовую платок. Ей было тогда тридцать. У нее был очень неуживчивый характер, а он слишком любил самого себя.

Но главной любовью «малышки Пиаф» был боксер Марсель Сердан. Они познакомились в Нью-Йорке. Он не пропустил ни единого его концерта, обращаясь к соседям с риторическим вопросом: «Разве это женщина – но как она может так петь?» Он звал ее Диду. Сердан погиб в авиакатастрофе под



Пиаф боготворили в ее простом черном платье.

Фото с сайта <http://www.fimsmusic.ru>

Нью-Йорком. Ее принесли вечером на выступление на носилках – в таком Эдит была состоянии, но она встала и спела. Со сцены ее тоже унесли. У Эдит началась депрессия и бессонница, она попала в больницу, где ее лечили морфием. Пиаф становится наркоманкой. Ее доза растет от концерта к концерту, но она опять сумела выстоять. Говорят, она отказалась от наркотиков, вспоминая смерть матери в убогой стилистике. Вышла Лина лежала, вытянувшись в струну, и молила: «Дозу!»

В 37 лет Эдит снова выходит замуж за шансонье Жака Пильяса. Это тоже случилось в Нью-Йорке, они венчались, и у нее впервые было подвенечное белое-голубое платье. Ее свидетельницей стала Марлен Дитрих. Она-то и подарила Эдит маленький крестик с изумрудами, который та носила потом до конца жизни. А Пильяс надел ей на палец ее первое обручальное кольцо. Брак продлился четыре года.

Эдит была счастлива. Но она была так же суеверна. Говорят, однажды она узнала, что перед конскими полями она от напряжения зубами разорвала носовую платок. Ей было тогда тридцать. У нее был очень неуживчивый характер, а он слишком любил самого себя.

После разрыва с Пильясом Пиаф стала пить и однажды пьяная, вышла на сцену. У нее началась белая горячка и одновременно – цирроз печени. Она

ловила чертей и разговаривала с гномами. Но она опять выкарабкалась – этот «маленький чемпион» в «весе пестуха», как называли ее друзья, – и через год снова запела.

Амур – тужур

Пиаф боялась одиночества, и, если она говорила, что будет обещать в узком кругу, можно было быть уверенным, что за столом соберется человек пятьдесят. Кстати, свои первые песни именно за ее столом написал Шарль Азнавур. Ее упрекали в мотовстве, говорили, что зря не экономит ни сил, ни заработка, но она,

«буржуазными»: страшная мерзлячка, она любила, чтобы было жарко натоплено, а окна закрыты, и просыпалась не раньше четырех часов дня. У нее был дорогой повар-китаец, но она всегда сама наспех варила себе кофе и пила его стоя, прямо у плиты. Пиаф любила одеваться у хороших модельеров – даже домашний передник заказала у Телье Ладуса, – но у нее было мало времени, и обычно она заказывала одну модель всех имевшихся цветов. «Так проще», – оправдывалась она. Неизменным оставалось лишь ее туалет для сцены: черное платье до колен. «Внеш-

Ее роскошный особняк оформляли лучшие парижские дизайнеры, а спала она на диване в комнате консьержки

смясь, отвечала: «Кто скуп на монеты, скуп на чувства». Деньги Пиаф презирала. Первой ее серьезной покупкой стала ферма, на которой, по свидетельству очевидцев, было сломано все, что могло ломаться. Но мало кто знал, что просьба купить ферму, чтобы как-то обеспечить себя в старости, – были последние слова умирающего отца, его завещание неупутевой дочери.

Потом у Эдит появился роскошный особняк недалеко от Булонского леса, который оформляли лучшие парижские дизайнеры, а спала она на диване в комнате консьержки. Хотя сама Эдит свои привычки считала

нигилистическими, а не эстетическими, – говорила Пиаф.

В Париже ее боготворили в ее простом черном платье, но не сразу удалось Эдит покорить Америку. Первые концерты Пиаф провалились: американцы ждали манекенщицу, а не трагическую певицу. Все ее песенки были невеселые, и американцы, привыкшие, что во французских песнях «амур» обычно рифмуется с «тужур» (всегда), заскучили. Американец слишком много работает, и ему нужна разрядка. Кроме того, он принципиальный оптимист и даже на смертном одре на вопрос о самочувствии попробует

улыбнуться и ответит свое неизменное «о'кей». Но Эдит была верна себе: «Я не гождусь, чтобы воспевать радость жизни. Песня о счастливой любви, это, знаете ли, не Пиаф».

Первую победу за океаном ей удалось одержать в роскошном богемном кабаре «Версаль» на Манхэттене. Это было начало, позже – и не раз – Пиаф триумфально пела по всей Америке, выступая даже в Карнеги-Холле. Однако все ее гастрольные начинания обязательно с кабаре «Версаль». Американцы звали ее Айдис Пиаф. И всю жизнь она помнила поддержку Марлен Дитрих – та не сомневалась в будущем успехе подруги.

В 1945 году Пиаф написала песню «Жизнь в розовом свете». Потом ее исполнили Бинг Кросби и Луи Армстронг. Было продано три миллиона пластинок, а на Бродвее открылся ночной клуб с таким названием.

Под знаменем Франции

Последним мужем Пиаф был грек Тео Сарапо. Вдове выше и почти вдвое моложе Эдит, Тео когда-то работал парикмахером. Она вывела его на сцену и пела с ним дуэтом. Он носил ее на руках, когда она больше не могла ходить. Тео был с Эдит в последние часы ее жизни. Ей было почти 48, когда она умерла. В день похорон – 11 октября 1963 года – движение в Париже перекрыли: Пиаф хоронили десятки тысяч человек. Над ее гробом на кладбище Пер-Лашез было натянута знамя Франции. Говорят, его держал один из тех, кого певичка спасла во время Второй мировой войны.

А история была такая. В 1944-м она пела на территории Германии для пленных французов и потом сфотографировалась с ними на память. Вернувшись, Пиаф увидела снимок и выправила 120 фальшивых паспортов с вырезанными фотографиями каждого солдата с общепринятым снимком. Как-то исхитрилась добыть печать и снова попросила давать концерт в том же лагере. В чепе она провела 120 документов, которые вместе с автографами передала заключенным. Многим удалось бежать.

«Петь песни – самое прекрасное занятие на свете!» – любила говорить Мом Пиаф. Что

сделала она для французской музыкальной культуры? Она подняла уличную песню до уровня дорогой эстрады. «Подзаборную лирику» она превратила в трагическую музыкальную балладу. В первую очередь в песне ее интересовал текст, а музыка лишь подчеркивала подлинный смысл слов. Она пела о себе, но она была одной из многих. Ее самые известные песни «Са ира!» («Дело пойдет!»), «Милорд», «Инкогнито», «Клоун», «Бродяга» и другие – о несчастливцах, но не славившихся людях, таких, как она сама.

19 декабря 2005 года Эдит Пиаф исполнилось бы девяносто. ■